

❧ · Чингисхан · Хроники завоевателя · ❧

ВОЛК РАВНИН

ПОВЕЛИТЕЛИ СТРЕЛ

КОСТИ ХОЛМОВ

ИМПЕРИЯ СЕРЕБРА

ЗАВОЕВАТЕЛЬ

К О Н Н
ИГГУЛЬДЕН

Волк равнин

Повелители стрел

АЗБУКА

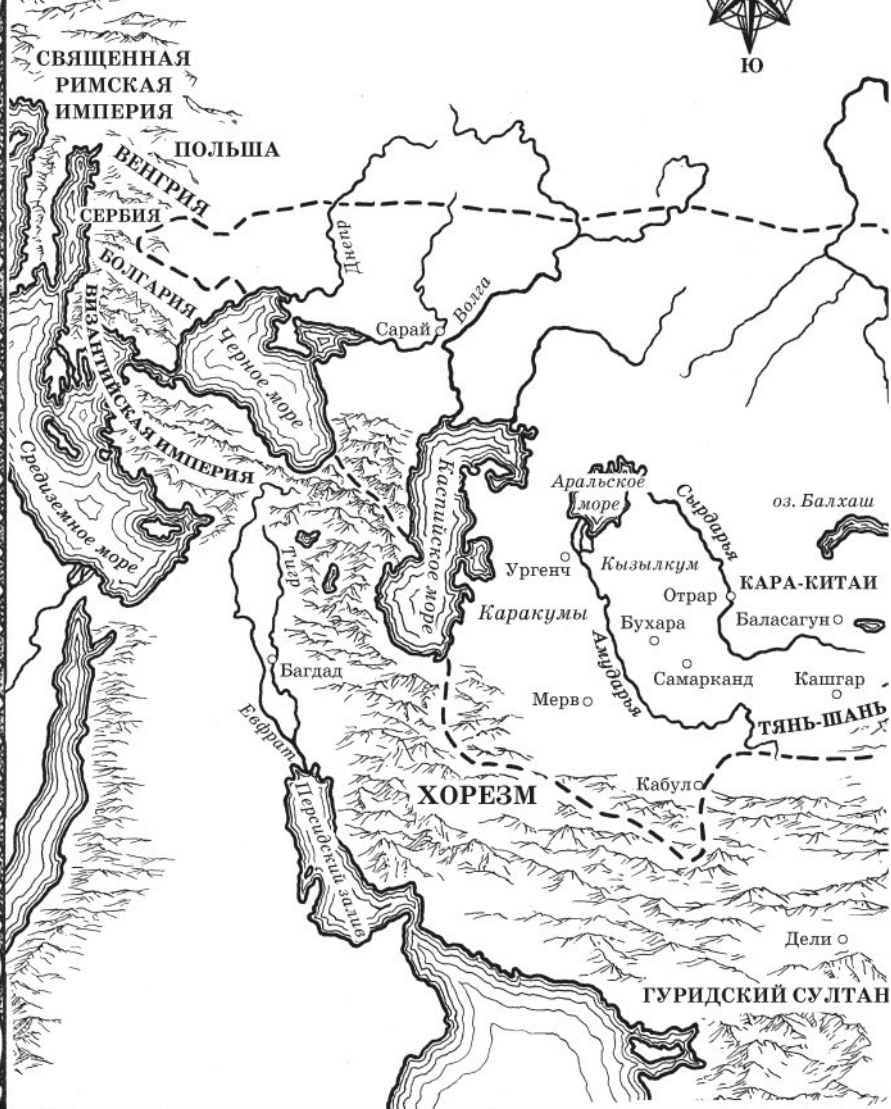
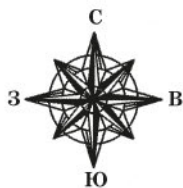
Санкт-Петербург

❧ · Волк равнин · ❧

Эта книга никогда бы не была написана без народа Монголии. Без людей, позволивших мне жить среди них и рассказывавших о своей истории за чаем с солью и водкой, пока зима плавно перетекала в весну.

Особая благодарность Мэри Клементс за советы о лошадях и Шейле Броутон, чьи великолепные научные работы позволили написать большую часть этого романа.

ТЕРРИТОРИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ
ПРИ ЧИНГИСХАНЕ

0 200 400 600 800 1000 мили
0 400 800 1200 1600 км

Лена

Енисей

ТАЙЧИУТЫ

Онон

Амур

Иртыш

НАЙМАНЫ

КЕРАИТЫ

МОНГОЛЫ

ИМПЕРИЯ
ВЕЛИКОГО
ХАНА

Алтай

МЕРКИТЫ

Каракорум о Аврага

Керулен

ОНГУТЫ

ИМПЕРИЯ
ЦЗИНЬ

ИМПЕРИЯ
ЧАГАТАЯ

пустыня
Гоби

УЙГУРЫ

о Хара-Хото

Шанду о

Пекин о

ТАНГУТЫ

Иньчуань

Хучунь

Гора

пустыня
Такла-Макан

ТИБЕТ

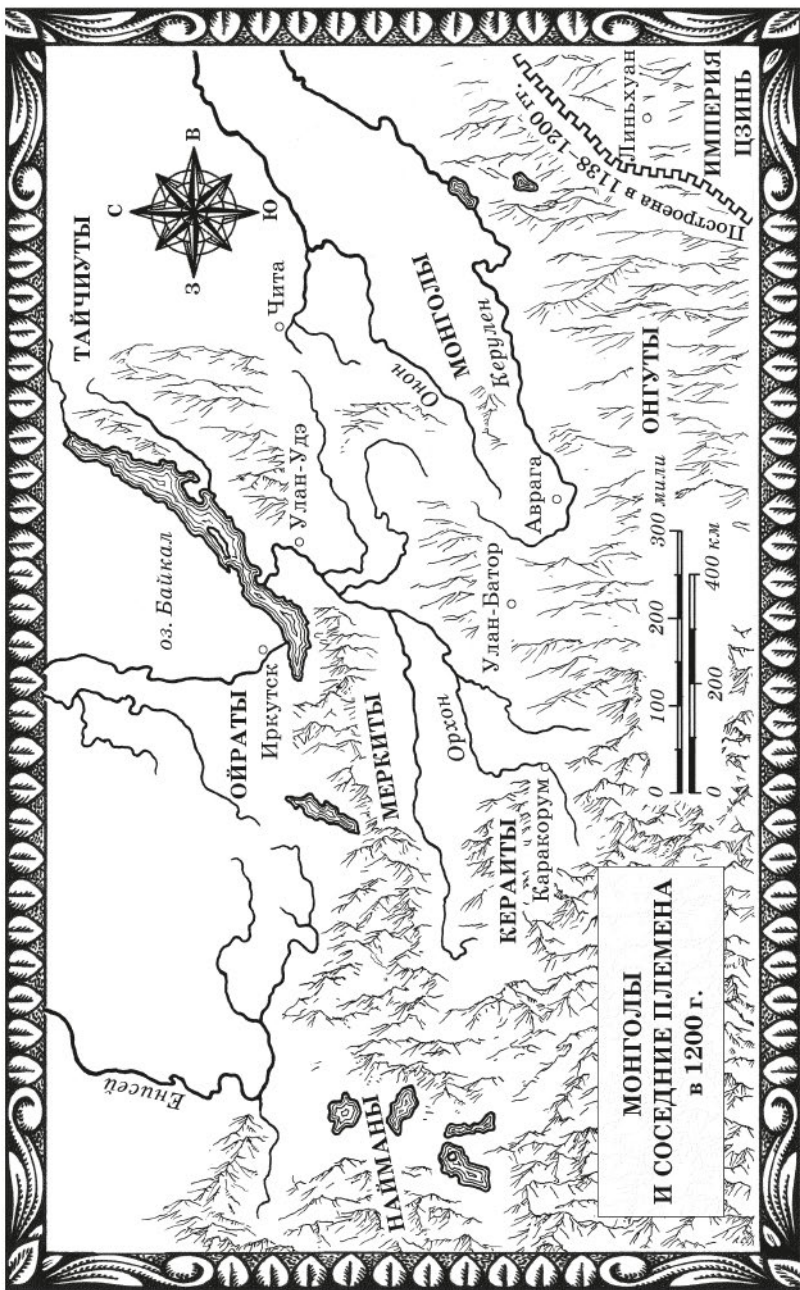
Желтое
море

Янцзы

СУН

АТ

Моим братьям Джону, Дэвиду и Хэлу

Свора правителей — зло,
Царь один должен быть у народа.

Гомер. Илиада

ПРОЛОГ

Бесновалась метель, залепляя колючим снегом глаза воинов. Монгольские лучники окружали татарский отряд. Их низкорослые лошади чутко повиновались легким движениям колен. Монголы, привстав на стременах, в полном молчании выпускали стрелу за стрелой и точно попадали в цель. Сквозь завывания ветра были слышны только вопли раненых и топот коней. Татарам не было спасения от смерти: она со свистом летела на темных крыльях битвы со всех сторон. Лошади с диким ржанием падали на колени, из ноздрей их текла яркая кровь.

Стоя на выступе желто-серой скалы, Есугэй следил за ходом боя, плотно укутавшись в меха. Стоголосым демоном был над равниной ветер, обжигая его кожу там, где она не была смазана бараньим жиром. Есугэю все было нипочем. Он уже столько лет вел такую жизнь, что почти ничего не чувствовал. Суровая природа была частью его жизни, как и воины, которыми он повелевал, как и враги, которых он уничтожал.

Есугэй презирал татар, хотя и отдавал противникам должное: им было не занимать мужества. Он увидел, как они сплотились вокруг молодого воина. Услышал его голос, перекрывший даже вой ветра. Татарин был в кольчуге. Есугэй и сам страстно желал иметь такую кольчугу. Он завидовал врагу. А тот остановил своих всадников резкими окриками и не позволил им броситься врассыпную. И тогда Есугэй понял, что пора вступить в дело ему самому. Его арван — девять лучших воинов племени, кровных братьев и сородичей — почувствовал это. Его товарищи, достойные носить дорогие доспехи из вареной кожи с вышитым на них скачущим волком.

— Вы готовы, братья мои? — спросил Есугэй, чувствуя на себе взгляды соратников.

Одна из кобыл взволнованно заржала, а его первый воин, Илак, усмехнулся.

— Ради тебя мы перебьем их, младший брат, — сказал он, почесывая лошадь меж ушами.

Есугэй ударил коня пятками, и они легкой рысью двинулись в сторону кипевшей битвы. С высоты они видели яростную круговерть пурги и ощущали злобную силу ветра и снега, что также участвовали в схватке. Есугэй, глядя на простертую над хрупкими фигурками воинов руку Отца-неба, из которой сыпался лед, в благоговейном ужасе зашептал молитву.

Воины перешли в галоп, не перестраиваясь и даже не задумываясь об этом, поскольку каждый с младенчества умел оценивать расстояние. Они думали только о том, как ловчее скинуть врага с седла и быстрее бросить его тело остывать на равнине.

Арван Есугэя врезался в самую гущу сражения, устремляясь к татарскому предводителю, который раскрыл себя лишь в последние мгновения. Если тот останется в живых, то, возможно, станет для своего племени факелом, за которым все и последуют. Конь Есугэя налетел на какого-то татарина, и монгол усмехнулся. Сегодня этот факел угаснет.

Страшный удар — и спина татарского воина переломилась как раз в тот миг, когда он повернулся лицом к новой опасности. Есугэй, держась за гриву коня, наносил удары мечом направо и налево, и враги падали мертвыми, словно осенние листья. Два раза он поберег отцовский клинок: одного противника затоптал конем, а другого — ударил рукоятью, как молотом. И тут Есугэй оказался в самой гуще сражающихся татар. Девять воинов Есугэя были по-прежнему с ним, оберегая жизнь своего хана согласно клятве, данной еще в детстве. Даже не оборачиваясь, он знал, что спина его прикрыта. Об этом говорил и мечущийся взгляд татарского предводителя. Тот видел свою смерть на их плоских ухмыляющихся лицах. А вокруг лежали мертвые, пронзенные стрелами тела его воинов. Татары были разбиты.

Есугэй обрадовался, заметив, что татарин поднялся в стремених и показал на него длинным окровавленным клинком. В глазах его не было страха — лишь гнев и досада, что этот день не

принес ему удачи. Сегодняшний урок уже не пойдет на пользу холодеющим трупам, но Есугэй знал, что татарские племена скоро поймут значение этого разгрома. Когда наступит весна, они найдут почерневшие кости своих воинов и больше не осмелятся угонять его стада.

Есугэй и татарин смотрели в глаза друг другу. Есугэй ухмылялся, татарин хмурился. Нет, проигравшие ничему не научатся. Уж если татарину что-то взбрело в голову, то он лучше умрет, чем откажется от своей идеи. Назло. Проигравшие сегодня, они вернутся завтра, и Есугэй опять будет сражаться и проливать еще больше поганой крови. Впрочем, эта мысль была ему приятна.

Он разглядывал татарина, бросившего ему вызов. Совсем молодой. Есугэй вспомнил о своем ребенке, который сейчас, должно быть, появляется на свет там, за восточными холмами. Он размышлял о том, не суждено ли и его сыну когда-нибудь увидеть лицо седого закаленного воина на расстоянии клинка, грозящего смертью.

— Как твое имя? — прокричал Есугэй.

Сражение вокруг них уже стихло, монголы бродили среди трупов, снимая с них все ценное. Ветер завывал с прежней силой, но вопрос был услышан, и Есугэй отметил, что его юный противник на мгновение нахмурился.

— А твое, хрен ячий?

Есугэй хмыкнул. Он уже устал, кожу на лице начало саднить от ветра. Монголы шли по следу татар почти два дня, без сна и отдыха, питаясь только размоченным грутом¹. Меч Есугэя был готов забрать еще одну жизнь, и монгол поднял клинок.

— А тебе что за дело, мальчишка? Иди ко мне.

Возможно, татарский воин увидел в глазах Есугэя что-то более страшное, чем стрела, от которой можно увернуться. После краткого размышления татарин кивнул:

— Мое имя Тэмучжин-Уге. За мою смерть отомстят. Я сын великого рода.

Он ударил коня пятками и устремился к Есугэю. Меч хана свистнул в воздухе один-единственный раз. Тело татарина упало к ногам Есугэя, а конь его понесся по полю.

¹ Грут — твердый сушеный творог. (Здесь и далее примеч. перев.)

— Ты пожива для стервятников, мальчишка, — произнес Есугэй. — И такая судьба уготована каждому, кто осмелится угонять мои стада.

Он обвел взглядом собравшихся воинов. Сорок семь человек покинуло свои юрты по зову Есугэя. Четырех бойцов они потеряли, зато ни один из двадцати татар домой уже не вернется. Цена набега, конечно, высока, но зима всегда доводит людей до крайностей.

— Обыщите трупы, да побыстрее, — приказал Есугэй. — Домой возвращаться поздно. Переночуем под скалами.

Металл и луки были весьма ценной добычей. Их можно продать или взять себе вместо сломанного оружия. Но если не считать кольчуги, нынешняя добыча была скудной. Это еще раз подтверждало догадку Есугэя: татары, которых они разбили, были просто юными воинами, которые пошли в набег, чтобы снискать славу. Они не намеревались биться насмерть на этой твердой как камень земле. Он поймал брошенную ему окровавленную кольчугу и обернул вокруг передней луки седла. Кольчуга была превосходной и могла защитить от кинжала. Кем же был этот молодой воин, раз владел такой дорогой вещью? Есугэй непрерывно повторял про себя его имя. А потом пожал плечами и решил, что имя убитого уже не имеет значения. Он обменяет свою долю коней на крепкое питье и меха, когда племена сойдутся для торга. Если не считать пробирающего до костей холода, день выдался удачный.

Метель не утихла и на следующее утро. Есугэй и его люди возвращались в улус¹. Только выделенные на случай нападения караульные ехали налегке, остальные были так нагружены мехами и добычей, что казались совершенно бесформенными и почти целиком покрылись слоем грязного льда и бараньего сала.

Племя выбрало хорошее место для улуса — у подножия каменистого холма, покрытого лишайником. Среди снегов юрты были почти незаметны. Совсем стемнело, лишь тусклый свет за спиной у воинов пробивался сквозь клубящиеся облака снеж-

¹ *Улус* — родо-племенное объединение с определенной территорией, подвластное хану. (Примеч. ред.)

ной пыли. Однако их возвращение заметили глазастые мальчишки, следившие, чтобы под покровом ночи никто не застал племя врасплох. Есугэй возрадовался, услышав звонкие голоса, возвещающие о прибытии воинов.

«Женщины и дети племени вряд ли успеют нас встретить», — подумал он.

Такими холодными ночами женщины просыпаются лишь для того, чтобы поддержать огонь в очагах. А время подниматься настанет часа через два, когда колючий снег выпустит из своих объятий большие сонные жилища из жердей и войлока.

Когда кони подошли ближе, Есугэй услышал крик, поднявшийся из юрты Оэлун подобно серому дыму, и от нетерпеливого ожидания его сердце часто-часто забилося. Смерть всегда ходит так близко к новорожденным! У него уже был сын, еще младенец, но хану надобно столько наследников, сколько сможет вместить его юрта. Есугэй зашептал молитву, прося еще об одном мальчике, о брате первому.

Хан услышал, как высоким резким голосом закричал в юрте ястреб, и спрыгнул с седла. Его кожаные доспехи поскрипывали при каждом шаге. Он едва заметил, как подхватил поводья закутанный в меха слуга, всегда стоящий наготове. Есугэй распахнул деревянную дверь и вошел в юрту. Снег на доспехах мгновенно растаял от жары и стек вниз, оставив на полу лужицы.

— Ха! Вон пошли! — смеясь, отогнал Есугэй двух своих псов, в безумной радости прыгавших вокруг и норовивших лизнуть его в лицо.

Ястреб закричал, приветствуя хозяина. Но тот, конечно, понимал, что птица не так уж привязана к нему, скорее, ей хочется незамедлительно отправиться на охоту. Старший сын, Бектер, ползал в уголку голышом, играя твердыми катышками грута. Все это Есугэй заметил, не отрывая взгляда от женщины, лежавшей на мехах. Оэлун раскраснелась от жара очага, а глаза ее сияли в золотистом свете лампы. Красивое счастливое лицо блестело от пота. Она вытерла рукой лоб, оставив на нем пятнышко крови. Рядом возилась повитуха со свертком. По улыбке Оэлун Есугэй понял, что у него родился еще один наследник.

— Дай его мне, — потребовал Есугэй, шагнув вперед.

Повитуха попятилась, раздраженно поджав сморщенные губы.
— Ты раздавишь его своими лапищами. Пусть поест материнского молока. Потом, когда окрепнет, возьмешь на руки.

Однако Есугэй не мог удержаться. Вытянув шею, он смотрел на новорожденного. Навис над сыном, словно туча, в своих мехах. Повитуха положила ребенка и стала вытирать тряпками маленькие ручки и ножки. Младенец отчаянно завопил. А Есугэю показалось, что этим криком сын приветствует отца.

— Он узнал меня, — с гордостью произнес хан.

— Он еще слишком мал, — фыркнула повитуха.

Есугэй не ответил. Он с улыбкой глядел на краснолицего младенца, но вдруг его лицо перекопилось от злобы, и он грубо схватил старуху за плечо.

— Что у него в руке? — прошипел он.

Повитуха собиралась как раз вытирать маленькие пальчики. Под яростным взглядом Есугэя она осторожно разжала младенческий кулачок, открыв сгусток крови величиной с глаз. Черный комок вздрагивал от малейшего движения и маслянисто блестел. Оэлун приподнялась, чтобы увидеть, что так привлекло внимание Есугэя. Заметив черный сгусток, она застонала.

— У него в правой руке кровь, — прошептала она. — Всю жизнь он будет ходить со смертью рука об руку.

Резко втянув воздух, Есугэй пожалел, что жена не промолчала. Неосмотрительно привлекать внимание злой судьбы к только что родившемуся. Некоторое время он сидел молча, погруженный в размышления. Повитуха продолжала суетиться, вытирать и кутать младенца. Сгусток крови поблескивал на тряпках. Есугэй взял его, и комок задрожал на его ладони.

— Он родился со смертью в правой руке, Оэлун. Так и должно быть. Он сын хана, и смерть — его верный спутник. Он станет великим воином.

Младенца наконец отдали его измученной матери. И Есугэй наблюдал, как жадно малыш схватил сосок, лишь только его положили ему в ротик. Оэлун, поморщившись, прикусила губу. А хан все никак не мог успокоиться.

— Брось кости, матушка, — обратился он к повитухе. — Посмотрим, добро или зло принесет Волкам этот сгусток крови.